

В распахнутую дверь командирской каюты заглянул начальник медицинской службы капитан Радонов.

— Разрешите?

— Прошу, Вадим Сергеич, проходите, присаживайтесь...— Савельев отложил карту, с которой работал, и кивнул Радонову на кресло.— Вы насчет Эйбоженко? Я обдумал ваше предложение. В целом, оно здоровое: у шифровальщика действительно не так много дел в походе. Поэтому разрешаю задействовать его по медицинской части.

— Благодарю, Андрей Николаич! Но вообще-то я хотел переговорить о матросе Братченко.

— Да - да, я помню... Вчера, вы докладывали, что обнаружили у него тревожные симптомы...

Радонов поудобнее уселся в кресле, вытянул длинные ноги.

— Все так... Слабость, тошнота, повышенная температура и боли в правой подвздошной области. Это не что иное, как острый аппендицит,— подытожил Радонов.

— Вадим Сергеич, что вы намерены предпринять?

— Консервативная тактика успеха не имела. Покой, голод и антибиотики не помогли. Температура поднялась еще выше. А, значит, нужно срочно оперировать.

— Все-таки операция...— сказал Савельев, помрачнев.— Как некстати...

— Командир, будьте покойны... В клинике кафедры военно-морской хирургии я оперировал больных раком... Сейчас же требуется всего лишь вырезать воспаленный аппендикс.

— Хорошо, Вадим Сергеич, как будете готовы, приступайте! Да, и вот еще что... Свет в амбулатории не погаснет ни при каких обстоятельствах... Никакое оборудование не выключится... Все будет крутиться и вертеться,— скрепил Савельев и потянулся к тумблеру громкой связи.

...Не раз и не пять командир взвесил доводы за и против возвращения в Гадживо. Выходило, что стратегический подводный ракетоносец «К-799» ну никак не сподобится пришвартоваться к родному пирсу раньше, чем следующим утром, и самое верное — это оказать всю необходимую помощь матросу Братченко здесь, в море.

Сейчас, не медля... В своем, как всегда прямом и развернутом в плечах, докторе Андрей Николаевич нисколько не сомневался: он то уж точно «всех излечит, исцелит». Впрочем, вселяя уверенность и очень обязательный старшина электротехнической команды Широкоград: коли отрезал Александр Иванович, что лампочки в операционной посветят, значит так и будет. Что еще? Цельный и твердый старпом Пороховщиков сразу взял сторону командира. Базель же, Базель, имевший свойство почти не иметь свойств,— не в счет. «Ну тиснет замполит по обыкновению наверх рапортков, да и черт с ним... Не родился еще богатырь такой, чтобы смог меня обыграть», — решил Савельев.

Вскоре командира вызвали на ГКП. Широкоград стал фокусничать с электричеством, а Радонов взялся, наконец, за скальпель.

Когда операция уже благополучно завершилась, Вадим Сергеевич Радонов бодро пропел:

*Фридрих Великий, подводная лодка,
пуля дум-дум, цеппелин...
Унтер-ден-Линден, пружинной походкой
Полк оставляет Берлин...*

— Ну что, товарищ капитан? — прокряхтел, оглядывая свой живот с белой марлевой повязкой, матрос Братченко.

— Что, что... Я же говорил: лучше сдайся мне живьем...

— Так я и сдался.

— Значит, жить будешь... Ясно?

— Ясно.

— Денис, по-моему, ты сдрейфил, а?

— Да как же не сдрейфить-то... Один только вид вашего хирургического инструмента...

— Инструмента?.. А скажи: ты песню Высоцкого слышал? Ну в ней еще такие слова... Пока вы здесь в ванночке с кафелем... Э-э, моетесь, нежитесь, греетесь... В холоде сам себе скальпелем он вырезает аппендикс...

— Про клоунов знаю, но эту нет, не припомню даже... А отчего вы интересуетесь?

— Видишь ли, Денис, я ведь коллекционер.

Радонов поймал удивленный матросский взгляд.

— Да-да, коллекционер... Но не в том смысле, что я гоняюсь за какими-то древними черепками... Артефактами... Понимашь?

— Не совсем, Вадим Сергеич.

— Истории, своеобразные, конечно... В своем, так сказать, роде... Вот что я собираю.

— А-а-а...

Неожиданно доктор зазвенел молодым рассыпающимся смехом.

— Ну и физиономия у тебя, матрос! Раскрывает рыба рот, а не слышно, что поет. Братченко виновато улыбнулся.

— А, впрочем, не забивай голову... Лучше прелюбопытную историю послушай...

Вадим Сергеевич закрыл кран и понес перед собой мокрые большие руки. Потом тщательно обтер их полотенцем и, присев на кушетку, начал свою повесть:

— Так, но с чего же начать, какими словами? А все равно, начну словами: там, на станции Новолазаревская, в кипящем котле Арктики... Почему, скажешь, в кипящем? Ну а как я, Денис, эту необычную, гадательную и неопределенную Арктику тебе опишу... Год?.. Год тысяча девятьсот шестьдесят первый... И если не изменяет мне память, то двадцатые числа февраля. Холодина! Такая холодина, что из себя самого можно высколотить. И даже на пресловутые ребра не опираться... Короче, погода ощерилась! Авиацию не поднять... А до земли обетованной, «откуда доходят облака и

газеты», — восемьдесят километров... И вот тут, по гадскому стечению обстоятельств, птенец человечий оказался на краю гибели. Тьфу! Прости, Денис, съехал на штампы... Э-э, ну так вот... Врач этой полярной станции, Леонид Рогозов, заметь, единственный тамошний врач, сам поставил себе диагноз: острый аппендицит. В общем, все, как у тебя. Почти все. Разница лишь в том, что тебя спасал я, а Рогозова — Рогозов. Нет, конечно, ему помогали метеоролог Артемьев, подававший инструменты, и инженер-механик Теплинский, державший у живота небольшое круглое зеркало и направлявший свет от настольной лампы. Начальник станции Гербович дежурил на случай, если кто-то из «ассистентов» грохнется в обморок. А что же Рогозов? А Рогозов лежа, с полунаклоном на левый бок, вкатил себе раствор новокаина и аккуратно так сделал скальпелем двенадцатисантиметровый разрез в правой подвздошной области. Временами всматриваясь в зеркало, а временами и на ощупь, без перчаток, действовал он... Следишь, Денис? Ага, вижу, что следишь. Хорошо, сейчас посыплются еще и цифры... Итак, через тридцать — сорок минут от начала операции развилась выраженная общая слабость, появилось головокружение. Еще бы! Ведь добраться до аппендикса было непросто — Рогозов наносил себе все больше ран и не замечал их. Сердце начинало сбивать. Каждые четыре — пять минут он останавливался на двадцать — двадцать пять секунд... В какой-то момент Леонид Иванович даже пал духом. Скапустился... Но затем осознал, что вообще-то уже спасен! Да, именно так. Операция, длившаяся час и сорок пять минут, отколотилась. Дней через пять, примерно, температура нормализовалась, а еще дня через два были сняты швы.

— Вадим Сергеич, значит, это о нем, о Рогозове, Высоцкий ту песню пел...

— Конечно, о нем, не о тебе же. И это ему, а не тебе, вручат впоследствии орден Трудового Красного Знамени. А впрочем, и ты, Денис, большой молодец... Хвалю!

— Спасибо! Но если бы не вы, товарищ капитан...

— Да ладно тебе... Служи Советскому Союзу!

...Умыв, что называется, руки, Радонов отправился в курилку. Дорогой он доложился командиру и, приобретя его благодарность, пребывал в прекраснородном настроении — выстукивал об портсигар какой-то уж очень воинственный марш. Таким его и увидели штурман Первоиванушкин и мичман Широкопад. Оба уже разминали в пальцах туго набитые, пайковые, индийские сигареты.

— Что, братцы, воскурим фимиами? — чуть ли не пропел Радонов.

Штурман Первоиванушкин улыбунулся и чиркнул зажигалкой, давая каждому из товарищей прикурить.

— Какая, однако, у тебя, Иван Сергеич, горелка... Небось, серебряная?

— Да, тонкая штучка... Не удержался, купил... Чуть ли не всю получку укокошил.

— Слышишь, Александр Иваныч? Во сибарит дает! Ему бы ожениться, тогда бы знал, на что получки укокошивать...

— А сам-то когда такому дельному совету последуешь? — сказал, выделявая дымные кольца Широкопад. — Ване-то — двадцать пять, лицо еще пушится, а тебе через две недели... Сколько? Тридцать, тридцать лет!

— Молодость, брат, как известно, к нам уже вернуться не может... Разве что детство...

— Да черт с ней, с молодостью! Ну, вот что ты брякнул недавно на танцах Вале Веревкиной? Мадам, отодвиньтесь немножко! Подвиньте ваш грузный баркас... Вы задом заставили солнце, — а солнце прекраснее вас...

— Я — любавец! Я — красавец! А она, она перед моим носом изнемогала в невозможной восточной позе. А впрочем, Сань, ты прав... И мне надо бы ожениться, а? Променять, как писал твой любимый Платонов, весь шум жизни на шепот одного человека...

— Да, ну тебя... Я серьезно, а ты...

— Сань, да я то же серьезно... Поверь!.. Просто «изумрудное будущее не вытанцевывается»...

Радонов незаметно и как-то лукаво подмигнул Первоиванушкину.

— Найти бы единственную мою письмовладелицу... Такую, например, как твоя Полина, и сразу того...

— Чего, того? — вскинулся Широкорад.

— Под венец! Исцелять раны цветами...

— Иван Сергеич, поговори с этим паяцем сам. А мне пора, надо еще кучу датчиков проверить.

— Иди, иди, Кармазов, проверяй свою кучу, а я тут помозгую с Ваней насчет Великого инквизитора... Базеля... Совсем распоясался, даже на командира вон бочку катит.

— Ну, мозгуй, Вадим Сергеич,— парировал Широкорад,— только потом не забудь рассказать, что намозговал! — Как подсказывает опыт, лучше знать о твоих экспромтах заранее...

Он собрался уж было выйти из курилки, но тут его вдруг окликнул доктор.

— Не сердчай, Александр Иванович... Сань... Ну, вот хочешь — поклонюсь тебе в пояс... Ты ж просто спас этого матросика Братченко... Светил всегда, светил везде... Ничего у меня в операционной даже не гакнулось. Нет, я серьезно, брат!

— Все, товарищи офицеры... Адью!

— Давай, Сань, пока! — кивнул Первоиванушкин и зачем-то, с каким-то даже шиком, чиркнул зажигалкой.

Подводники помолчали, пуская дым.

— Он ушел, но обещал вернуться...— снова оживился Радонов.— Нет, ну, Саня, он ведь как Болконский...

— В смысле?

— А в том смысле, брат Иван, что и он может знамя поднять... Обожди, обожди, в свой час обязательно подымет...

— Постой, а что ты хотел о Базеле сказать?

— Что, что... Может, на дуэль его вызвать? Вызовешь, Вань? Или на седины старика не подымится рука?

— Вот ты юродивый!

— А может, его за бороденку, за мочалку да и вытащить с нашей подлодки... Как Митя Кармазов отставного штабс-капитана Снегирева из трактира вытащил, а?

— Во-первых, Базель не отставной штабс-капитан...

— И во-вторых,— подхватил Радонов,— без мочалки... Ухватить не за что...

— Нет, ну юродивый... Кто тебя только до больных допустил?

— На счет юродивого, брат, ты крепко ошибаешься... Во мне растут цветы подводные... И жизнь цветет без всякого названия...

Радонов помолчал, покусывая губы, потом сказал:

— Пойду-ка я проведу моего единственного больного. Жаль, конечно, Вань, что это не ты... Я б тебя так проведаль...

— Добрый ты, Вадим!

— Добрый... И ты добрый. Все, все добрые...

— И Базель?

— Базель? Нет, он не добрый, а святой... Сердце его большое похоже на колокольню...